

Илья Долгихъ

**ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО ТЕАТРУ
И ЕГО ЗАДВОРКАМ**

Москва
Издательство АСТ

УДК 792
ББК 85.33
Д64

Долгих, Илья

Д64 Путеводитель по театру и его задворкам / Илья Долгих. –
Москва: Издательство АСТ, 2016. – 256 с.
ISBN 978-5-17-090535-5

«За шумными и пышными премьерами и шикарными банкетами в их честь должно быть нечто большее, чем изначально и являлся театр как вид искусства», – так пишет автор этой книги, Илья Долгих, работающий в мастерской одного из московских театров. В своих «Записках...» он показывает настоящее лицо театрального мира, скрытое за тяжелым бархатным занавесом роскоши.

Вы не найдете здесь то «волшебство» театра, которое начинает литься со сцены, когда в зале гаснет свет. Скорее это взгляд на нашу сегодняшнюю жизнь, на отношения внутри большого коллектива, взгляд на время, на то, как все мы живем и работаем.

Путешествие по «театральным застенкам» не только откроет многие секреты актерской жизни, но и станет настоящим отражением повседневности.

УДК 792
ББК 75.33

ISBN 978-5-17-090535-5

© Долгих И., 2016
© Прудников В., фотография на обложке, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

*Посвящается
моему деду,
Дюпину Геннадию Михайловичу*

Записки работника театра

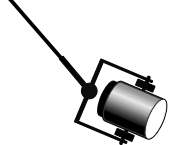
*«На этой службе я служу себе»
У.Шекспир. «Отелло»*

1

Прохладный весенний вечер, нас занесло в бар где-то в центре. Взяв выпить, мы сели за самый дальний столик, подальше от общей шумихи. Впервые за несколько лет мы вновь оказались лицом к лицу. Она сильно изменилась с тех пор, повзрослела, казалось, что глаза ее стали темнее, морщинки около них уже сплели свою паутинку, и в уставшем ее лице уже не было того прежнего презрительного выражения, с которым раньше она смотрела и на меня, и на весь мир в целом.

— За что выпьем? — спросила она, поднимая стакан с вермутом, который совершенно для этого напитка не подходил.

— За прошлое! — предложил я и, не дожидаясь одобрения с ее стороны, сделал большой глоток бурбона, который, в свою очередь, был, как и положено, налит в старый добрый «рокс».

За выпивку мне только что пришлось прилично раскошелиться в баре, но ради такой встречи можно было пожертвовать несколькими обедами на работе.

— Ну как ты живешь? — начала разговор М. — Чем занимаешься?

— Учусь, работаю, — в общем, все как у всех, — ответил я.

— Не женился еще? — с улыбкой добавила она.

— Думаю, что ты, зная меня, могла бы не задавать подобных вопросов.

— Ну, мало ли, люди же меняются, да?!

Я усмехнулся и вынул из кармана пачку сигарет. Протягивая ей открытую пачку, я знал, что она откажется, но мне хотелось, чтобы она это сделала. Она покачала головой и, как я и думал, сняла со спинки стула сумку и, покопавшись немного в ней, достала на свет пачку табака и папиросную бумагу. Я улыбнулся, вспоминая, что она и раньше никогда не курила обычные сигареты. Она предпочитала не курить совсем, если у нее не было табака. Думаю, в этом, как и во многом другом, проявлялся ее жесткий характер, тяжесть которого мне пришлось не раз испытать на себе, после того как начали рушиться наши воздушные замки.

Я внимательно наблюдал за тем, как она тонкими, болезненно белыми пальцами насыпает табак на развернутый на столе листочек папиросной бумаги и затем, облизнув его край языком, скручивает плотную

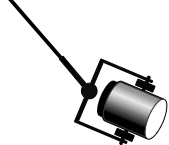
папиросу. Она всегда курила без фильтра. При яркой вспышке зажигалки, которую я поднес к ее лицу, предлагая ей прикурить, я увидел его освещенным огнем и заметил, насколько сильно оно изменилось. Черты лица ее заострились, глаза стали более серьезными и грустными, она похудела еще сильнее. Вместе с тем все это не портило ее, но скорее придавало уже какую-то не юношескую солидность и статность женщины, приближающейся ко времени, когда уже приходится признавать возраст и соответствовать ему. Она была по-прежнему красива, и даже еще более проявлялась трагичность этой красоты, которая находилась теперь на самом своем пике и которая через несколько лет начнет медленно и безвозвратно разрушаться, но в данный момент она являлась примером почти идеала, словно лицо с фрески античного храма, которое сквозь века заявляет о своем превосходстве над временем и тленом. От женщин, обладающих подобной внешностью, мужчины всегда стараются держаться подальше, чтобы не ранить лишний раз своего самолюбия.

— Я так никогда не умел, — сказал я, кивая на ее папироску, — всегда пользуюсь машинкой.

Она улыбнулась:

— Ну так что? Что было дальше?

— Было много всего, — ответил я, — ты хочешь услышать всю историю жизни неудачника за одну короткую встречу?

— Ну, ты начни, а там посмотрим.

— Я, признаюсь, хотел услышать и о том, что было с тобой за это время...

— Со мной ничего не было, — резко оборвала она. — окончила институт, потом была аспирантура — защитилась досрочно, чтобы быстрее можно было бы переехать в другой город, больше не могла выносить Москву, устраивалась уже там в разные места, но потом повезло, удалось устроиться на кафедру, преподавать. Довольно активно занимаюсь спортом, когда позволяет время, иногда фотографирую, иногда рисую. Вот вкратце и все.

— А не вкратце?! — улыбнулся я.

— Да ничего особенного, я не хочу сейчас об этом говорить, может быть, потом. Сейчас твоя очередь. — Она пригубила из стакана и взглядом дала мне понять, что настроена слушать.

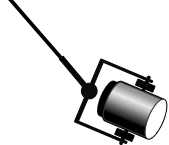
— Ну, хорошо, — сказал я, — можно попробовать. В ту осень...

2

В ту осень, большую часть которой я провел в Питере, городе, который дал мне несколько самых счастливых дней, а потом начал медленно погружать меня в пучину отчаяния, в жизни моей начали проис-

ходить резкие перемены. Оглядываясь назад, я могу с уверенностью сказать, что они имели решающее значение для всего моего будущего. Но самая первая перемена, положившая начало всему, случилась чуть раньше, и было это связано с изменением моего статуса обычного гражданина на статус студента театрального ВУЗа. Перечеркнув все свои прошлые попытки следовать заветам великого кормчего и учиться по многу раз и оставив, наконец, все надежды на то, чтобы стать приличным гражданином, патриотом и семейным человеком, я в очередной раз стал студентом. Но этот выбор уже был осознан, и этот путь, пока еще не осыпанный лепестками роз, уже мой путь по праву. Я и сам толком не понял, как это произошло. Вот только что я стоял в огромной очереди на прослушивание первого тура, среди сотен таких же, и вдруг я неожиданно осознал себя зачисленным на первый курс. Все уже позади — и сочинение, на котором судорожно вспоминал, нужно здесь ставить запятую или нет, и экзамен по литературе, при ответе на который совершенно забыл, почему Раневская приехала из Парижа в Россию, и три тура актерского мастерства, и вокальный экзамен, и все, совершенно все уже позади, и я уже выбран из многих и оценен, и, казалось бы, нужно радоваться и наслаждаться представившимся шансом. Но в голове моей закопошился тогда червь сомнения. А стоит ли все это того, чтобы

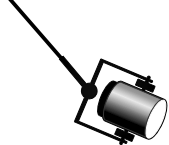

жертвовать еще четырьмя годами своей и так уже стремительно уходящей молодости? Блуждая долгими янтарными вечерами по московским дворам, я решил, что все-таки стоит. Стоит попробовать и не упускать так легко, быть может, последнюю возможность выбиться в люди.

Заняв нужную сумму и оплатив первые полгода своей будущей учебы, я принялся искать хоть какую-нибудь работу. Летом это, оказалось, сделать непросто, даже в столице, и я часами просиживал на сайтах, просматривая все вакансии, которые предлагались. Все это тянулось долго и мучительно, но вот я наткнулся на одно предложение, предлагающее работу курьером. Это были разовые задания: выполнил — получил деньги. За один заезд платили мне рублей 350—400, не больше, а за день порой удавалось выполнить не больше двух заданий, а иногда и вовсе одно. На эти деньги особо не разгуляешься. Усугублялось мое положение еще и тем, что возил я весьма дорогую технику и от заказчиков деньги получал на руки наличными, а суммы это были весьма весомые, по тридцать тысяч рублей, а иногда и больше. Можно понять мое состояние, когда за заказ я получал 350 рублей, а на кармане у меня лежала весомая пачка купюр, и воля моя изо дня в день подвергалась серьезным испытаниям. К счастью, длилось это недолго. Потом я наткнулся на объявление о набо-

ре рабочих для подготовки какой-то тихоокеанской конференции. Платили там уже прилично, и я, не задумываясь, согласился. Работа длилась недели две, по десять часов ежедневно и без единого выходного, но я смог заработать неплохую сумму, которой мне хватило для того, чтобы сбежать в Питер, в котором я планировал провести последние деньки уходящего лета, вернуться и найти уже, наконец, нормальную работу. Но планам моим не суждено было сбыться, и Питер приютил меня на долгие два с половиной месяца. За время, прожитое там, я успел сменить несколько мест работы, несколько мест жилья и приобрел много знакомых из разных уголков России, приехавших сюда, как и я, в поисках счастья. Работал на складе одного известного спортивного бренда. Целыми днями наклеивал ценники на спортивные трусы и прочую не очень приятную мне одежду и развешивал все это по размерам. Потом просто чудом со мной связались люди из Москвы, с которыми я недавно работал на подготовке той самой конференции, и предложили мне работу. На этот раз они монтировали павильон для презентации новой модели машины известного мирового бренда, и мы работали там несколько дней. Она проходила на знаменитом Заячьем острове, как раз там, где располагается Петропавловская крепость, в которой сидели в заточении наши замечательные соотечественники,

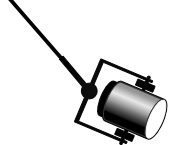
лучшие умы России. Теперь на той же земле, где и по сей день стоит крепость, в которой некогда были заключены декабристы, стены камер которой хранят еще воспоминания о Кропоткине, Бакуanine, Достоевском, Чернышевском, Рылееве и множестве других писателей и мыслителей трех уходящих столетий, мы, простые ребята, понаехавшие со всей страны, стелили паркет, разгружали ночами огромные фуры, собирали мебель для того лишь, чтобы там в течение одного дня прошла презентация и фуршет. Незабываемые ночи провел я там. В короткие промежутки между разгрузками я слонялся по закрытой крепости, смотрел в мутное осеннее небо, таящее в себе мириады сонных звезд, слушал плеск Невы где-то там за высокой стеной. Фонари раскачивались на ветру, отбрасывая всюду причудливые тени, гулкий звук моих шагов по брусчатке эхом раздавался на узких улочках крепости, и, казалось, вот сейчас из-за угла выйдет черный силуэт в цилиндре, оглянется по сторонам, бесшумно пройдет по брусчатке к противоположной стене и вновь исчезнет в густой тени.

Тяга к искусству у меня была сильнейшая, и после разбора всего нами созданного для выставки я пытался устроиться дворником в городской концертный зал, причем довольно известный, куда меня не могли взять по причине отсутствия питерской прописки, моя московская им доверия, видимо, не вну-

шала. Пытался устроиться разнорабочим в консерваторию, но денег там предложили настолько мало, что мне пришлось дать задний ход. Еще несколько вакансий были мной отвергнуты по причинам, которые мне уже и не вспомнить. Единственная хорошая работа была у меня в одном только что открывшемся баре. Я успел побыть там лишь несколько смен, но это было на самом деле здорово и несравнимо с той каторгой, на которой я отбывал срок здесь, в Москве. В то время я жил на соседней от места работы станции метро и, выходя из бара с ночной смены, мог прогуляться по сонной еще Петроградской стороне, посидеть в Лопухинском саду на ступеньках, спускающихся к малой Невке, выкурить сигарету на прохладном воздухе и неспешно идти домой отсыпаться. Я обитал тогда на Черной речке, у ребят на кухне, это было мое второе пристанище за месяц. Прекрасная квартира, дававшая приют многим, как до меня, так и после.

Быстро летело время, меня попросили покинуть бар, не объясняя причин, как это обычно и делается, все монтажные работы тоже подошли к концу. Работы не было, и температура воздуха становилась все ниже с каждым днем. Вещей у меня было немного и в основном все летние, я же приезжал на недельку в конце августа, а за окном стоял уже октябрь. Хорошо, что один мой друг, у которого я квартировал

в Москве, будучи проездом в Питере, привез мне кое-какую теплую одежду. К этому моменту я сменил еще одну квартиру. Перед самым моим отъездом обратно в Москву мне даже удалось устроиться на работу, причем в довольно приличный офис. Но необходимо было принимать решение: оставаться зимовать здесь и поставить под вопрос все свои мечты, связанные с театром, или вернуться и облегчить себе жизнь тем хотя бы, что у меня в Москве было где жить.

Я вернулся. Попрощался с Питером и с надеждами на то, что я когда-нибудь вернусь, и сел, весь увешанный сумками, в сидячий вагон. К ночи я был в столице, она безрадостно встретила меня холодным осенним ветром и потащила по бесконечным туннелям метро к дому, в котором ждали меня тоскливые мысли об утраченном счастье и весьма туманном будущем.

Прожив несколько дней у родителей, я снова перебрался к своему приятелю, у которого жил уже до этого около полугода, перебрался и начал выстраивать себя заново. В Питере случилась со мной еще одна история, о которой я не хочу упоминать, но для лучшего понимания моего душевного состояния следует все-таки замолвить об этом словечко. Помимо прочих неудач, у меня случилась удивительно странная любовная история, полностью повторившая весь мой путь в городе мечты. Прекрасный взлет и мед-

ленное и сокрушительное падение. Все это настолько меня травмировало, что я, приехав, даже не знал, как мне жить дальше, осознавая все то, что я там пережил. Мне в буквальном смысле пришлось заново создавать разрушенный внутренний мир. Забегая вперед, могу сказать, что оправился я лишь спустя несколько месяцев, но до сих пор все пережитое часто возвращается ко мне в воспоминаниях. Все, что там со мной произошло, так и не имело никакого логического завершения, конфликт не был подведен к решению, и, видимо, поэтому я еще долгое время буду возвращаться к тем теплым осенним дням, когда я был по-настоящему счастлив, и задаваться лишь одним вопросом: почему все случилось именно так?!

3

Оклемавшись немного, я начал снова искать работу. Кое-что на примете у меня уже было. Еще будучи в Питере, я узнал, что набирают массовку в один известный театр, для участия в масштабной постановке нового спектакля. Я записался по телефону и, как приехал в Москву, явился в назначенный день по нужному адресу. Репетиция была назначена на раннее утро. Невыспавшиеся, полуживые люди весьма сомнительного вида уже образовали небольшую оче-